

Кубанский писатель

М. Горький

№ 2

февраль
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России

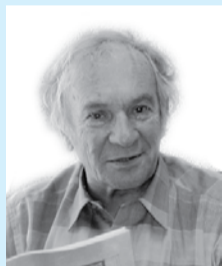
ПАНОРАМА

Поздравляет

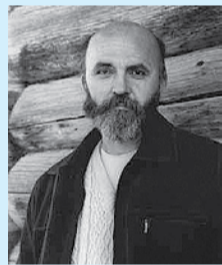
**Светлану Афанасьевну
Медведеву**

С присуждением звания «Заслуженный работник культуры Кубани» за многолетнюю просветительскую деятельность.

**Виктора Ивановича
Лихоносова**

С присуждением «Большой литературной премии» за выдающийся вклад в развитие русской литературы. Церемония вручения проходила в конференц-зале Союза писателей России, Москва.

**Николая Александровича
Зиновьева**

С присуждением Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного великого князя Александра Невского в номинации «Поэзия». Премия вручена наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, викарием Санкт-Петербургской епархии, председателем литературной комиссии Назарием, Санкт-Петербург.

«Зачарованный край мой кубанский, я тебе свою юность дарю!» – под таким названием в Краснодаре прошли третьи Вараввинские чтения, организованные департаментом культуры Краснодарского края и краевой юношеской библиотекой имени И. Ф. Вараввы. О творчестве поэта рассказали ребятам М. Б. Солодкая, доцент кафедры литературы КГУК, кандидат исторических наук, В. Ф. Цапко, писатель, А. В. Кудрина, библиотекарь отдела абонемента краевой юношеской библиотеки имени И. Ф. Вараввы, о жизненных ориентирах, истинных и фальшивых, прозвучало в выступлении С. Н. Макаровой, председателя краевой писательской организации.

А стихи поэта прочли финалисты краевого конкурса читателей библиотек, который проходил по трём номинациям. В итоге жюри определило победителей. В номинации «Едут, едут закубанцы, наши казаки!» диплом и памятный подарок получила Суслина Наталья, в номинации «Нам на службе пошёл восемнадцатый год» – Голева Ольга, в номинации «Я свет любви не распылю» – Туманова Анна. Поощрительный приз, сборник песен на стихи поэта, присуждён Агаповой Анастасии, исполнившей и свои собственные стихи.

В краевой детской библиотеке им. братьев Игнатовых прошла презентация седьмого тома кубанской библиотеки «Кубанские писатели – детям», подготовленного к изданию департаментом по делам СМИ, печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций Краснодарского края, по решению экспертного совета при главе администрации Краснодарского края по приоритетным направлениям книгоиздания в краснодарском издательстве «Периодика Кубани». На презентацию были приглашены авторы сборника, издатели и краснодарские школьники, недавно прочитавшие произведения кубанских литераторов. Детский вокальный коллектив «Аюшки» исполнил песни композитора В. Захарченко, созвучные основной теме книги – любви к своему краю, своей малой родине.

Составитель сборника, знаток детской темы, чьи произведения вошли в хрестоматию детской литературы, лауреат премии администрации края поэт В. Д. Нестеренко отметил, что в книгу вошли более 40 неповторимых творческих судеб. Многие из них уже нет с нами. Но свой духовный мир, своё творчество они оставили ребятам.

Директор библиотеки Т. И. Хачатурова поблагодарила писателей за создание летописи родного края: исторических событий, людских судеб, художественное осмысление современной жизни.

СОБИНФО

ГОЛОСА РОССИИ

Итак, о русском

Почему русскими пугают в России

События на Ленинградском проспекте, и особенно на Манежной площади и у Киевского вокзала, вызвали массу откликов и большое разнообразие оценок. Но вот что удивительно: большинство оценок уходило от главных ответов. Находили причины событий и в кознях националистов всех мастей и

национальностей, в фанатизме болельщиков, в невыдержанности милиции. Но как-то умело и усиленно и СМИ, и политологи, и власти обходили, на мой взгляд, два важных вопроса. Первый, это все усиливающееся социальное неравенство, достигающее почти катастрофической пропасти, за которой следует взрыв. (Это особый разговор). И какое-то постоянное утаивание, уход

от обсуждения, боязливое опасение и даже страх говорить о русском народе, о русском. Этот страх многие годы воспытался агитпропом коммунистического периода, либеральными властью и СМИ. Когда начинают говорить о русском, сразу начинают возникать обвинения в шовинизме, ксенофобии, антисемитизме.

На мой взгляд, вопрос о проблемах русского населения у нас в стране и за её рубежами, о русской культуре, о русском языке, о национальном самоощущении, о месте русских в государстве (где мы впервые за два века имеем абсолютное большинство 80%), о пренебрежении к русской истории, её фальсификации, очернении, об игнорировании созидательной позиции русской провинции, об отчужденности от русского народа телевидения и СМИ стал приобретать обостренный, жесткий характер.

Хотелось еще раз обратиться к вопросу, который у нас стыдливо, с испугом замалчивают, превратили в некое пугало. В 20-30-е годы под русский шовинизм подвели сотни тысяч жертв казаков, богатых крестьян, священников, не говоря уж о купцах, интеллигентах, богатых сословиях общества. Причём застрельщиками этого были победоносные Троцкий, Свердлов, каратели Тухачевский, Уборевич, Якир и иже с ними, чьи потомки потом громко кричали, что в 30-е годы они попали под волну сталинских репрессий.

(Продолжение на стр. 2)

«Мастер и Север»

К 95-летию заслуженного художника РСФСР Г. А. Булгакова»

Заслуженному художнику РСФСР, ветерану Великой Отечественной войны Григорию Александровичу Булгакову исполнилось 95 лет. С юбилеем мастера поздравили художники и писатели в галере «Сантал» на открытии выставки «Мастер и север».

Творческий путь Г. А. Булгакова насчитывает более шестидесяти лет. Широкий и разнообразный диапазон его творчества – живопись, графика, оформление книг и интерьеров, редкие опыты в скульптуре.

Профессионализм художника, его гражданские позиции оказывали влияние на становление краснодарской школы живописи.

Классикой изобразительного искусства Кубани и России стали его тематические полотна «Колумб российский – Шелихов на Дальнем Востоке» (1956-1957 гг.), «Смена» (1949 г.), «Годы войны» (1990 г.); портреты, запечатлевшие полные собственного достоинства архетипические народные образы – «Станичник» (1960 г.), «Нганасан» 1968 г. и др. Невозможно перечислить все темы, к которым обращался мастер. Это большой культурный и исторический пласт, связанный

с жизнью страны и Краснодарского края.

На юбилейной выставке художника в галерее «Сантал» были представлены работы самого известного и раннего «Северного цикла» (1956-1993 гг.) Работы этого цикла давно разошлись по частным коллекциям, и сегодня представляют большую редкость.

Растянутая хронологически жизнь Г. А. Булгакова полнится не только судьбоносными событиями, но и географическими впечатлениями, знаниями, воспоминаниями, трансформирующимися в творчестве красочностью и многомерностью мира человека и природы.

А в преддверье празднования Дня защитника Отечества в художественной галерее «Сантал» открыта выставка «Поклонение добровольцев». На выставке представлено 50 живописных и графических работ старейшего художника Республики Адыгея, участника Великой Отечественной войны, члена Союза художников РСФСР с 1971 года П. Д. Филиппенко, отпраздновавшего недавно своё 85-летие. Его жизнь и творчество тесно связаны с Краснодарским краем, с 1948 по 1953 года П. Д. Филиппенко обучался

в Краснодарском художественном училище. После окончания училища в 1953 году был направлен по распределению на работу в Адыгейские производственные мастерские г. Майкопа. С 1953-го П. Д. Филиппенко постоянный участник городских, краевых, республиканских, региональных выставок. Известность художнику принесли не только живописные произведения, но и работа в области книжной графики. Им было выполнено оформление книг для детей таких известных адыгских авторов, как Д. Костанов, А. Гадагатль, М. Паранук.

Его произведения находятся в фондах Национального музея Республики Адыгея и Картинной галереи Министерства культуры Республики Адыгея, в частных коллекциях России и других странах. По сей день П. Д. Филиппенко живет и работает в Майкопе, продолжает и развивает традиции отечественного реалистического искусства, с любовью воспевая землю, на которой живёт.

Д. Т. Садыкова,
старший научный сотрудник
Краснодарского краевого
художественного музея
им. Ф. А. Коваленко

ПОЭЗИЯ

(Окончание. Начало на стр. 4)

Кто ответит? Родные поля?
Вековые преданья? Науки?
Может, темное, будто земля,
Очерствевшее слово старухи?

Становлюсь на просевший порог,
Захожу под усталую крышу:
— Здравствуй, мать!
— Не старайся, сынок:
Сколько лет ничего я не слышу!

* * *

В разладе с обманчивым миром,
По воле презренной судьбы
Тебя он не выбрал, а вырвал,
Как яркий цветок, из толпы.

От счастья слепыми руками
Сквозь солнечный ливень густой
Принес и поставил в стакане
Квартиры своей холостой.

Забыл он, от гордости тайной
Печален, упрям и жесток:
Мечтает о вазе хрустальной
Любой, даже скромный цветок.

Домой приходил обозленный,
Мечтою своей обуян,
То до бессознания влюбленный,
То просто бесчувственно пьян.

Порой не промолвит и слова,
В себя погружен, а порой
Любовь, и доверье, и злоба
К тебе обращались одной.

А что ты могла, городская,
С врожденною ленью в крови,
Которой привычка людская
Превыше мечты и любви?!

Уходишь, бросая: «Постылый!»
Желая за все отомстить,
И все же оставить нет силы,
Тем боле — понять и простить.

Что делаешь, вряд ли ты знаешь.
Ко всем терпелива, ровна,
Его ты безбожно терзает
И любишь, как берег волна.

Если б вы знали, какая
Ночь в эту пору была!
Гром громыхал не смолкая,
Молния вишней цвела.

Чувств озаряемых свежесть,
Как молодая трава.
Правда. Отвага. Верность.
Всё — не пустые слова.

К звездам душа прикоснулась,
Ноги на влажной стерне...

Что ты посеяла, юность,
Жать до скончания мне.

РАЗЛАД

Лучших чувств моих царевна,
Мое солнышко в зрачках,
Было: море по колено,
Вся Россия в васильках.

Это было, было, было,
Было, грустная, поверь,
Когда ты меня любила,
Только я был чистый зверь.

В дебрях совести витая,
Как полночная сова,
Что должна ты быть святая,
Я внушал себе слова.

Я держал тебя когтями
Древней ревности своей,
Обмороченный путями
Двух неистовых кровей,
На краю земли рожденный
У судьбы на волоске,
Темным миром разбомбленный,
Оскорбленный, разведенный,
С ниткой памяти в руке.

Даже к солнечному зайчику,
Что прилег к тебе в кровать,
Мне случалось, словно мальчику,
Безотчетно ревновать.

Знаю, знаю — это дико,
Бескультурия Эверест.

Вадим Неподоба и Юрий Кузнецов

Да и сам, признаться тихо,
Верю в святость лунных мест.

Только всё волной слизало,
Закрутило, понесло,
Когда ты назло сказала...
Ну, скажи, зачем на з л о!

Веря в жуткие приметы,
Я качнулся, как шальной...

Жаль, что даже сигареты
В полночь не было со мной.

ПРИРОДА

Устроено просто и мудро,
Как только природа творит:
Прохлада предлетнего утра,
Дымки прибережных раки.

За линией берега тонкой
Едва проступают пруды.
Молочной затянута пленкой
Поверхность прозрачной воды.

Как можно века неустанно
И, словно впервые, всегда
Так делать, чтоб из тумана
Тебе улыбалась вода?

Чтоб солнце к людским нашим бедам
Своим прикасалось лучом...
Как можно быть кроткой при этом,
Как будто она ни при чём?

Хранить свои травы и воды —
Равно: красоту и число...
Всё лучшее в нас от природы,
Откуда же, Господи, зло?

* * *

Про золотую середину
Не раз твердили мудрецы:
«Не жми.
Стой так, чтоб ветер в спину.
С размаху не руби концы».

И ты всё делал вполсилы —
Творил не зло и не добро,
Когда ж попал на середину,
То счастье в стороны ушло.

* * *

Не помня ни страха, ни боли,
Сраженный свинцом на лету,
В широкое, чистое поле,
Как витязь последний, паду.

Родимое небо укроет,
А поле меня обоймёт,
И рану рососою омоет,
И силу мне ветром вдохнёт.

Поднимут упругие травы,
Пройдёт холодок между плеч...
Я встану, кольчугу поправлю
И выну зазубренный меч.

ДАШЕ

Светишься, торопишь и робеешь,
Умоляешь нас — не провожать.
Подожди, родная, ты успеешь
Взрослею, и даже очень,
Стать.

Всё в тебе дрожит и замирает,
Бел, как чистый лист, воротничок.
Этот путь
Никто не выбирает,
Каждый в этой жизни — новичок.

По утрам, заботой окружая,
По привычке странной торопя,
Я себя как будто провожаю
Каждый день всё дальше от тебя.

Вот ты мне рукой махнула, зная,
Что я должен за тобой прийти...
Сохрани, господь, тебя, родная,
На твоём единственном пути!

ВЕРШЕНЬ

Ярый зной. Солнце прямо в зените.
На всё небо — ни облачка — день.
Хоть куда в эту пору взгляните,
Где она, столь привычная тень?

Лишь недавно повсюду за вами,
Как собака, бежала вослед.
В полдень — пыль и песок под ногами,
А её, как и не было, нет.

Только губы иссохлись от жажды...
Но под вечер, худа и длинна,
Тень встаёт и идёт перед каждым,
Как беда или даже вина.

Тяжелы наши тени под вечер...
А пока — грусть-тоска не берёт:
Солнце в самой середочке —
Вершень,—
Как до солнца, дорога вперед.

Сам ты — мир, а не мира частица.
И еще не ударил тот час,
Когда тень на дорогу сочится,
Преклоняя к извечному нас...

* * *

Тебе приснился бездорожный,
Идущий небом человек.
Он был с тобою осторожным,
Как этот падающий снег.

Его жалела, не жалела,
Страсть померцала и ушла.
И оттого отяжелела,
Как ветка зимняя, душа.

* * *

Что это?
Во поле чистом
Кони ли, скирды стоят?
Годы проходят со свистом —
Не оглянуться назад.

Минуло лето — ну что же!
Осенью дали видней.
Стал я умнее и строже...
Может быть, просто бедней?

Может, как раз потому-то
В сердце, где радость цвела,

Боль оставляет минута —
Та; что из жизни ушла.

* * *

Мы живём у надежды в плену.
За неё наивысшая плата,
Если в мире хотя б одному,
Кроме матери, жизнь твоя свята.

Значит, очень тебе повезло.
Став ведущей нынче наукой,
Всё уродство, отравы и зло
Круговую повиты поруклой.

Святость жизни, раздавлена ты
Многотысячем войн на планете,
Но святыми рождаются дети,
И нетленны о счастье мечты...

* * *

Подует холодом из дола,
Нальётся стужей роса —
И позовут меня из дома
Поля, овраги и леса.

И жгуче новой, чуткой правдой
Нездешне ярко и лучист, —
С такой задумчивой прохладой
Заглянет в душу каждый лист.

И в тишине исповедальной
Среди берёзовых лампад
Раздастся предков голос дальний,
Прошедших, словно листопад...

* * *

Умру — и двор наш станет тесным.
Любой прохожий — гость тогда,
При жизни я таким известным,
Конечно, не был никогда.

Придёт, но чтоб не выделяться,
Бочком, и голову склоня,
Жена, которая лет двадцать
Назад оставила меня.

Стеной угрюмой встанут братья,
Три дня не будут есть и спать,
Но материнское объятие
Помогут всё же разорвать.

И разойдутся виновато,
Следы их ветер заметёт.
А вся огромная утрата
На сердце матери падёт.

Наполнит дом — углы и стены,
И страшным грузом в тишине
Она раздавит постепенно
Боль ножевую обо мне...

СОСТРАДАНИЕ

И смотрела в лицо, и ласкала,
Заправляя спадавшую прядь;
Слово, равное горю, искала
И в слезах не могла отыскать.

Говорила: «Всё — божия милость.
Он к себе кого зря не берёт»,
Чтоб хоть чем-то внушить

справедливость,

Только вышло — наоборот.

Побережься для тех, убеждала,
Кто живой.
Ведь его не вернёшь
Никогда.
И сама зарыдала,
И чей сын во гробу — не поймёшь.

* * *

Возвращаясь к родному порогу,
Растревший себя не совсем,
Как тогда, собираясь в дорогу,
На прогретый пригорок присел.

На высоком дыхании пахот,
По-отечески светлых небес
Я услышал, как родиной пахнут
Волны речки, и поле, и лес.

Я не виделся с матерью долго,
Позабыла меня и родня.
Ощущенье горячее долга
Переполнит внезапно меня.

Задержу этот миг на минуту,
Процежу через родину вдох,
А иначе ни дому, ни утру
Не верну я просроченный долг.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ТЫ В НЕБЕСЕХ...

11 февраля 1941 г. в станице Ленинградской родился великий русский поэт Юрий Поликарпович Кузнецов.

Следующий сокурсник – Юрий Селезнёв, в будущем – лидер московских критиков, розовощёкий, высокий. Всегда ходил со стопкой книжек под мышкой, прошивал свою молодость в библиотеке – «Пушкинке», да ещё и в заветном абонементе лишь для учёных, куда достал пропуск. Любимым его автором работ по НСО был Достоевский. Характерно подчмыхивал и поддёргивал носом, как от щекотки, был лидером научно-студенческого общества под руководством русоведа-профессора Всеволода Альбертовича Михельсона. И никто не догадывался, какую творческую вершину он покорит в журнале «Наш современник» и редакции «ЖЗЛ». С кем попало не водился, дружил верно и преданно со Славиком Неподобой, старшим на 2 года братом известного кубанского поэта Вадима Петровича Неподобы. Славик был признанным на факультете литературным авторитетом, все звали его Белинским и тянулись к нему, как к прирожденному оратору, лидеру, вожаку.

Валера Горский, земляк Юры из Тихорецка, физически слабенький, застенчивый, читал свои новые стихи о весне, о слепом, переходящем улицу, неловко тычась палкой в бордюр. И смущённо прикрывался тыльной стороной ладони, как девушка. Весь витал в поэзии, придумывал строчки и тут же озвучивал нам, одноклассникам. Дружил, как и я, с Вадимом Неподобой. Юрий Кузнецов позже посвятил ему три стихотворения.

Вечерами студенты гуляли по Красной от Тельмана до улицы Горького, туда и обратно. Володя Шейферман (Жилин) тоже декламировал нам свои творения на углу Мира и Красной. Его стихи, на грани разума-безумия, возбуждали воображение, были очень смелыми и свежими.

Поэты, литераторы встречались в аудитории на Тельмана, 4, по выходным. Читали по очереди, кто что «сотворил» за неделю. Звучали проза и поэзия. Слава Неподоба делал щадящие, благожелательные разборки. Ему не жалко было дать лестные прогнозы какому-нибудь из нас «старика». Кстати, позднее довелось мне бывать на нескольких семинарах, и все были безжалостными «избиениями младенцев», уничтожавшими робкого автора на корню. Теперь же не лучшие времена проживают два официальных Союза писателей, то и дело переселяемых властями в Краснодаре «к чёрту на кулички».

В конце дружеской встречи Славик обычно собирал в кепку по рублю, лично шёл в гастроном и покупал большую бутылку дешёвого портвейна и кабачковой икры. Пир переносился в одну из комнат общежития, где строгой хозяйкой была комендантша Анна Константиновна. Её боялись все, но не Славик. Он по выходным сколачивал бригаду грузчиков, мы шли разгружать вагоны на Краснодар-2, зарабатывали деньги и продукты. Славик не забывал про Анну

Константиновну, делясь с нею то связкой бананов, то ящиком лука.

Юра Селезнёв обычно не участвовал в мальчишниках, осуждал портвейновое веселье Славика и уходил к своей возлюбленной Людочке. Он недавно женился и жил у тещи, на улице Комсомольской, в старом высоком доме недалеко от вуза. Его Людочка была исключительно красива, фигурой напоминала Софи Лорен. Я завидовал Юре – какая женщина у него!

Юрий Кузнецов тоже заходил на неподобовские чтения. Сидел или один, или с Вадимом Неподобой. Был он огромнее всех, широко расставлял ноги, чтоб уместить их под столом. Его породистое лицо оценочно поворачивалось к выступавшим, он морщился, кривился – не нравилось. И редко когда улыбался. Пить портвейн не ходил, держался особняком, был слегка высокомерен. Наверно, уже тогда знал себе цену. Вадим восхищался своим кумиром, декламировал его стихи девушкам и ребятам, заучивая наизусть. Он боготворил Юру. Мне казалось, что Вадим станет великим поэтом, он пишет всё лучше и лучше, а за что он хвалит Юру, я не понимал. Тем более что Юра иногда делал вид, что не замечает меня, наверно, на почве ревности.

Я увидел его первый раз на улице... Дело было так. На факультете училась Наташа Колодезная, воронежская дивчина, красивая, остроумная хохотушка с белыми пышными волосами и кудельками на висках. Она выпивала нарвене с Вадимом портвейн, была на равных с аспирантами и доцентами, не отказывала в свидании мальчикам. Кузнецов раза два встретился с нею, прогулялся. Назначил ещё свидание. И в эти дни я тоже увидел Наташку, но как? На крыльце вуза увиделись двое парней из-за неё, а она с застенчивой страстью наблюдала, кто кому набьёт морду. Назначила обоим одновременно свидания возле вуза. Пока лев и тигр терзали друг друга, пришла обезьяна (это был я) и увела их добычу, то есть Наташка пошла со мной. Ей было уже неинтересно, кто победит. Мы с ней долго гуляли, выпили бутылку портвейна по очереди из горлышка, она набила туфлями ноги и шла босиком, я привёл её к общежитию, стоял на «шухере», пока она влезала через окно в свою комнату, до смерти боясь Анну Константиновну.

Следующие два вечера мы опять гуляли, я уже считал, что мы с нею задружили. И вот идём по Красной, она забыла, что назначила свидание Юре Кузнецову возле перил уличного ограждения. Он стоит, думая, что она торопится к нему, мы проходим мимо. Он окликает. Я оборачиваюсь, вижу здорового парня с проницательным лицом. Такой не унижится до драки. Но мышцы приличные, видно, качается. Наташка отрывается от меня, возвращается к нему, он берёт её под руку и ведёт в противоположную сторону. Я стою дураком и не знаю, что мне делать. Отнять силой? Смириться с потерей? Я вижу, что Наташка упирается, замедляет ход, бегу за ними, хватаю свою подружку под руку и отрываю от верзилы. Его лицо передёрнулось, он потянул девушку к себе, а я – к себе. Наташка высвободилась, буркнула Юре «извини» и быстро пошла со мной. Шагов через двадцать я оглянулся – Юра стоял, как вкопанный, переживал. Или философствовал о женском коварстве, непостоянстве красоты.

Я недоумевал всё время, почему Наташка пошла со мной? По всем статьям Юра был красивее, породистее, талантливей меня. Кроме настырности, мне и козырять было нечем. Но мы с Наташкой удержались друг возле друга, все её кавалеры отстали, никому больше она не назначала свидания. На последнем курсе мы поженились и вместе уехали отрабатывать диплом на Дальний Восток. Потом всё ж расстались, через 15 лет. Её тятя как портвейну оказалась сильнее всего, хотя и работала моя бывшая референтом в ЦК компартии Узбекистана.

И сейчас, живя в Ташкенте, любит богему и горячительные напитки.

А Юрий Поликарпович, говорят, прислал письмо, где спрашивал, правда ли, что Колодезная Наташа вышла замуж за Виталия Кириченко? Да, правда.

В институте Юрий тяготился учебой, пропускал лекции. Он знал, что не по призванию сидит здесь. И на лекциях тоже писал стихи. Тетради для конспектов он испещрял рифмованными строками. Лекторы были благосклонны к юноше. А вдруг он станет великим поэтом? Не надо мешать. Всеволод Альбертович Михельсон, Израиль Львович Духин и его жена Белла Израилевна, Никита Владимирович Анфимов, Николай Иванович Самохвалов и другие преподаватели так и остались в памяти истинными поборцами своей науки и вечного творчества.

А Юру нашёл влиятельный покровитель, секретарь крайкома партии по идеологии. Он звонил вузовскому начальству, требовал студента Кузнецова к себе на приём и заставлял читать свои произведения. Говорил ему, что запирает его на ключ на два-три часа в кабинете, а когда вернётся – чтобы новое стихотворение было написано. И Юра сочинял, бродя по вельможным коврам, выглядывая в окно. Внизу, по улице Красной, шли люди, не ведая, что творятся гениальные вирши. Секретарь этот стал покровителем, спасал Юру от наказаний за пропуски лекций и побуждал его к творчеству. Не раз звонил декану Гаврилу Петровичу Иванову, что Юра на ответственно партийном задании. И Юра добросовестно сидел под замком, рождая свои шедевры.

Где он теперь, этот секретарь? Найти бы такого в нынешние времена!

Вскоре, точнее, через полгода, Юра ушёл в армию, попросился на Кубу, «в горячую точку». Как раз случился Карибский кризис, когда наши ракеты оказались под носом у американцев, да ещё в большем количестве, чем они насчитали.

С тех пор прошло несколько лет. Я отработал с Наташкой на Дальнем Востоке, растерял краснодарских друзей и лишь в 1977-м возвратился. Юрий Поликарпович обосновался в Москве, но наезжал и на Кубань. Стал знаменитым, известным. По приезду останавливался в гостинице, обязательно навещал Вадима Неподобу. Подсказывал ему окончить курсы литинститута. Вадим маялся по квартирам, распалась его семья, замучили алименты.

В маленькой комнатухе, которую Неподоба снимал у старушки на улице Коммунаров, между Горького и Гоголя, я встретил Юрия Поликарповича, зайдя проведать Вадима. Московский гость сидел на низеньком креслице, широко расставив ноги, еле уместяясь в комнатёнке. Они о чём-то оживлённо беседовали, как оказалось, о положении в Союзе писателей, о возрастающих трудностях напечататься. Кузнецов мне кивнул, но руки не подал, лишь внимательно осматривая. Оба уже были разгорячены всё тем же портвейном. Вадим печатал на моей пишущей машинке, комкал и выбрасывал в угол бумажные листы. Юрий привёз другу пару своих книжек, одну всё держал в руках, ласково поглаживая томик, как бы общаясь энергетикой с оторванной частью своего внутреннего мира, вошедшего в эту книгу. Вадим души не чаял в друге, ревностно на меня поглядывал, как бы я не перехватил на себя внимание москвича.

Вот, пожалуй, и всё, не считая официальных встреч и приёмов то в Союзе писателей, то на выступлениях перед аудиториями. Глядя на обоих во время чтения собственных стихов, я радовался их талантам, огромной и точной памяти, обилию запомненных строк.

И всё ж, считаю, Юрий Поликарпович пока недооценён, не разошёлся в народе «летучим дождём брошюр». То ли время такое серое, то ли специально препятствуют некие силы, тормозящие русскую культуру? А скорее мы сами по врождённой безалаберности не хотим и не умеем чествовать самых достойных первопроходцев-гениев, считая, что колы Россия богата талантами, то нечего их и отмечать. Бабы ещё народят.

«Ты в небесах, мы во гресех», прости нас, Юра, всех.

Виталий Кириченко,
ст. Брюховецкая
17 января 2011 г.

